

Владимир **КРЮКОВ**

Признавая во мне властелина,
лето под ноги травы стелило,
чтобы этакий князь
всё бы тёплый прихлёбывал ветер,
зверобой и душицу приметил
и сорвал, наклонясь.
Но под небом с его облаками,
обхвативши колени руками,
мне привычней сидеть,
потому что я данник твой, лето,
потому что от многого света
я не знаю, куда себя деть.

*

Дворы тополиные,
жаль вас покинуть.
Пусть жизнь будет длинной,
как песня акына.

Простой и великой,
смешной и печальной,
под пух этот липкий,
под звон величальный,

под маты и плачи,
под грозы и вьюги,
под холод собачий,
под шёпот подруги.

Глаза бы глядели,
вбирая детали,
а ветки гудели,
а птицы летали.

И, верно, могла бы
судьба быть такая:
текла и текла бы,
не истекая.

*

Самую легкую дай мне рубашку,
бабушка. Выйди со мной на крыльцо.
Как озаряет торжественным светом
в темных морщинах родное лицо.
Как я люблю это давнее лето,
где георгины цвели нараспашку.

*
Мрак прореживается. Пора
встать и делать дела.

Но, понятно, не так, с утра,
когда за окном мгла.

Помаленьку, не сгоряча,
я зажигаю газ,
жмурясь, потягиваю чай,
близится мой час.

А светает. Уже дрова
заждались колуна.
Но, скажу, и я хитрован,
и была мне нужна

та погодка, что привела
на подмогу мороз:
он сейчас раскалил добела
и сучок, и нарост.

Что могло предстать маемой,
нынче — сущий пустяк.
Станет податливей самый витой,
самый крутой чурбак.

Старый свитер, верхонки, пимы —
вот и сборам конец,
и выхожу на арену зимы
я — пожилой боец.

Впрочем, вышел не я один —
эхо приносит звук:
меня, неспешного, упредил
некий проворный друг.

Мы, подобно этим дровам,
также прокалены.
И окликаются по дворам
ярые колуны.

*
Поздно пришли вы, рубашки «Camel»,
надеваю, да не могу войти в шкуру
Юла Бриннера или Стива Маккуина.
И вы подзадержались,
чудесные перьевые ручки «Pelikano».
Вот бы выводить имя под протоколом
после «выемки» самиздата:
«с моих слов записано верно».
Лежат за витринным стеклом
Santana, Doors и Pink Floyd.
Не надо горбатиться на калыме —
сбросе снега с двухэтажек где-нибудь на Учебной,
и в субботу трамваем катить на толкучку.

Выряжусь в джинсы «Levis»,
обую замшу производства West Germany,
сяду в кресло-качалку
Чкаловского авиазавода
(не конверсия, а попутная продукция),
поставлю на вертушку бердской «Веги»
(куплена с Андреем в жаркий летний день)
старый винил Окуджавы,
(есть ещё у тебя на земле должники,
Булат Шалвович).
Открою аперитив «Степной»,
опробованный в наш школьный выпускной.
Вот и рифма подоспела,
ай, доброе дело, хорошее дело.

Самое время ностальгии.